

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

Обов'язковий примірник

29086882
115
115
115

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

ИНВЕКТИВЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Табуированная лексика стала объектом исследования ученых с начала прошлого века (Д.К. Зеленин, В. Алрианова-Пельтцер и др.). Значительно позже, уже во второй половине XX в. об «огромных сферах непубликуемой речи у всех современных народов» и особенностях их употребления в Западной Европе в эпоху Ренессанса писал М.М. Бахтин, несколько под иным углом зрения рассматривали эту проблему И.С. Кон, Б. Успенский и др.

Особую группу табуированной лексики составляют инвективы — одна из составных частей тех слов, которые в приличном обществе произносить не принято. Форма множественного числа термина *инвективы*, видимо, требует уточнения. Толковые словари приводят это слово в форме женского рода — *инвектива* — и в значении «*Книжн.* Резкое выступление против кого-, чего-л.; оскорбительная речь» [2, 391]. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина, где дефиниция уточняется и конкретизируется — «Резкое выступление против кого- чего-н.; обличительная речь; оскорбление, выпад» [5, 269], — оно и выводится из лат. *investiva* (*oratio*) — бранная речь. Если же опираться на лат. *investivus* — бранный, ругательный, то слово *инвектив* (м.р.) можно, видимо, употреблять для обозначения любого бранного слова.

Данная группа слов стала объектом пристального внимания и широкой общественности, и лингвистов с начала 90-х XX в. (Ф. Ильясов, Н. Малинин и др.), чему способствовало, с одной стороны, снятие запретов на обсуждаемые темы, с другой — активизация их использования и расширение социально-демографического состава любителей непечатных выражений. Особенностью последних лет (5-7), на наш взгляд, можно считать уменьшение количества «настенных» писателей, оставляющих на заборах, скамейках, в туалетах, лифтах символы своего «нравственно-эстетического» кредо. Видимо, это связано с большей речевой свободой: «табуизация» снижается, показателем чего является проникновение инвективов в речь литературных героев, в кино и на театральную сцену (а ведь именно сценическая речь всегда была образцовой). В силу перечисленных фактов исследование инвективной лексики остается по-прежнему актуальным и требует осмысления как социолингвистами, так и филологами вообще.

В настоящей работе анализируются традиции и особенности функционирования инвективной лексики в русской речи, поскольку ее активизация имеет место, как правило, когда происходит столкновение старых нравственных устоев с новыми, то есть и сегодня.

Итак, к инвективам, по классификации С.И. Кона, относятся:

1) обороты речи с упоминанием мужских гениталий (помещение ругаемого в женскую сексуальную позицию и отождествление ее с подчинением, а мужскую — с господством);

2) намек на то, что ругающий обладал матерью ругаемого;

3) упоминание женских гениталий и отправление ругаемого в зону рождающих, производительных органов, в телесную могилу (или преисподнюю);

4) обвинение в кровосмешении. Слова этой группы на славянской почве не представлены, они характерны для английских ругательств. [4, 141]

В то же время в русском языке есть еще группа бранных слов, называющих лиц, повышенная половая активность которых выходит за рамки приличий или сексуальная ориентация которых не соответствует общепринятым представлениям.

К первой группе относится, прежде всего, распространенное русское ругательство из трех букв. Аналогичное по звучанию и значению слово есть в любом славянском языке. Благодаря краткости и универсальности смысла оно способно заменить, по сути, слово любой части речи, в связи с чем существует анекдот: «В русском языке есть слово из трех букв. Означает оно «нет», но пишется и произносится совсем по-другому...». Еще В. И. Даль отметил, что это слово «становится почти местоимением в значении «что, что-либо, какой, какой-нибудь и др.». В современной русской речи данный инвектив стремится к пансемии, то есть всезначности. Результатом его табуизации стало употребление вместо него слова *хер*.

Изначально это было название буквы Х, входившей в кириллицу, происхождение которого «обычно объясняют как сокращение слова *херувимъ*. Кроме того, допускают происхождение их греч. *χαίρε* «привет тебе» [8, IV, 233]. Уже в первой половине XIX в. у В. Одоевского это слово употреблено в переносном значении — «пьяница», «забулдыга», поскольку в словаре В.И. Даля издания 1882 г. в статье к слову *херъ* отмечено выражение «У него ноги *хером*, пртвпл. *колесомъ*» [3, IV, 547]: такое положение ног характерно для некоторых пьяных, пытающихся не упасть. Употребление слова как табуизма объясняется, видимо, с одной стороны, совпадением начальной буквы его и слова, которое заменялось, с другой — визуальным совпадением формы буквы и схематичного изображения мужского полового органа¹ (есть версия, что фаллос у язычников был религиозным символом, нашедшим в христианстве воплощение в кресте). Как только табуизм перестал выполнять заместительную функцию в роли эвфемизма, он сам перешел в разряд инвективов и в этой роли широко употребляется с начала прошлого века.

В современной речи вульгаризм *хер* употребляется в двух значениях: «1. Мужской половой член. 2. Бранное обозначение мужчины» [2, 1441], а производные от него слова уже утрачивают сексуальную семантику, сохраняя лишь общее пейоративное значение и стилистическую отнесенность: *херня* — «Глупость, чушь» (Там же), *херовина* — «1. О каком-либо предмете. 2. Глупость, чушь» (Там же), *херовый* — «Плохой, отвратительный» (Там же).

Ко второй группе относится, безусловно, выражение «... *твою мать*», которое неоднократно пытались перевести, но безуспешно. Столь популярное теперь английское выражение *fuck you* не вполне адекватно русскому инвективу, поскольку в нем нет нательной семантики, крайне важной в русском бранном выражении: у славян был развит «культ почитания матери как главы рода или как охранительницы, имеющей магическую власть» [9, 170]. Во всех эвфемистических синонимах данного выражения слово *мать* константно, а переменной единицей оказывается слово, означающее сексуальное действие. Оно может заменяться словами, абсолютно лишенными сексуальной окраски («*в бога душу мать*», «*в твою душеньку мать*», «*в гроб твою мать*», «*в гроб вашу мать*»), что снимает намек на мнимое отцовство.

Третья группа включает ругательства, отправляющие адресата в зону женских гениталий. Женское лоно — символ смерти [9, 168], подтверждением чему могут быть ощущения одного из платоновских героев: «*Машинист-наставник закрыл глаза и подержал их в нежной тьме, никакой смерти он*

¹ Замена по внешнему сходству имеет место, например, в невербальных средствах передачи значения анализируемого слова — кукиш, дуля, фи́га, шиш: многие осознают непристойность этого жеста, не отдавая себе отчета в том, каковы его истоки.

не чувствовал — прежняя теплота тела была с ним, только ранее он ее не ощущал, а теперь будто купался в горячих обнаженных соках своих внутренностей. Наставник вспомнил, где он видел эту тихую горячую тьму. Это просто темнота внутри его матери, и он снова всовывается меж ее расставленных костей, но не может пролезть от своего слишком большого роста». Таким образом, отсыл в указанную часть тела, по сути, является пожеланием сдохнуть. М.М. Бахтин указывает на одномерность такого восприятия, описывая эпоху Ф. Рабле. Мир веселится в бахтинском карнавале, когда ругательства теряют свой первоначальный смысл (магический и заклинательный). То есть брань выполняет прямое назначение, но как-то не воспринимается всерьез. Посылая кого-то в направлении материнского чрева, адресант как бы подразумевает амбивалентность смерти, ведь в представлениях раблезианцев смерть — это никакой не конец, это воскрешение через обновление; жизнь вообще — замкнутый цикл, и смерть лишь одно из звеньев в цепи превращений [1, 415].

Естественно, никто из современных пользователей мата не задумывается ни над его философским содержанием, ни над его истоками, ни над его этимологией. Этимологический анализ, например, слова, которым в инвективе обозначен женский половой орган, позволяет сделать вывод, что оно связано с коллоквиализмами *púsatъ* («Испускать мочу, мочиться» [2, 834]) и *писька* («Половой орган» (Там же). Звук [з] в нем является результатом ассимиляции по звонкости/глухости звука [с] перед звуком [д] (которым начинался суффикс -д-?). Н. Малинин считает, что оно связано с литовским языком, где глагол *pisti* означает как акт мочеиспускания, так и акт совокупления (производное *pisnius* — распутник) [6]. Эта версия не противоречит мнению М. Фасмера, что слово *púsatъ* — оноματοпоэтическое образование из речи кормилиц [8, III, 266], поскольку в литовском языке оно явилось табуистической заменой неприличного названия нечистот животного.

К словам, обозначающим лиц с чрезмерной половой активностью, выходящей за рамки приличий, относится слово *блядь*. В словаре В.И. Даля 1903 года издания это слово представлено в ряду других однокоренных: «публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина. *Блядун* — развратник, распутный мужчина. *Блядунья* — ниже обыкновенной бляди, лахудра... *Блядство* — средство любоддеяния, распутная жизнь». Современный «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова предлагает очень близкую по формулировке дефиницию к слову *блядь*: «Грубо. Вульг. Развратная, распутная женщина; проститутка» [2, 85], однако у слова *блядун* мотивационная основа несколько иная: «распутный мужчина; пользующийся услугами блядей» (Там же), *блядство* — Грубо. Вульг. 1. Распутство, разврат. 2. О чем-либо плохом, недостойном» (Там же). Появляется новое слово — *блядский* «Грубо. Вульг. 1. Такой, как у бляди; нарочито сладострастный, откровенно развратный. 2. Очень плохой, отвратительный» (Там же). Отметим, что в древнерусском языке было прилагательное *блядивый* в значении «празднословный» [8, I, 180], образованное, видимо, от слов *бляду*, *блясти* («заблуждаюсь, ошибаюсь») (Там же).

Вероятнее всего, анализируемое слово этимологически связано со словом *блуд* «распутство, разврат» [2, 85], от которого также образуются агенты, обозначающие лиц мужского пола — *блудник* «нар.-разг. распутник, развратник» (Там же), женского — *блудница* «нар.-разг. распутница, развратница. *Вавилонская блудница* (о распутной, развратной женщине)» (Там же) —

и общего — *блудня*¹ «нар.-разг. блудливый человек или животное». Последнее слово, сохраняя общую пейоративную окраску, в отношении животного утрачивает сексуальную семантику, поскольку мотивируется глаголом *блудить*, который, являясь омонимом слова *блудить* («нар.-разг. = *Блуждать; плутать*»), имеет как значение «нар.-разг. 1. с кем. Заниматься блудом, распутничать», так и «2. Воровать, таскать что-либо съестное (о животных, преимущественно о кошке)» (Там же). Соответственно *блудливый* — это и «нар.-разг. 1. Предающийся блуду; распутный, похотливый. *Б. мужичонка.* || Свойственный такому человеку. *Б-ые глаза.*», и «2. Проказливый, вороватый (о животных)» (Там же). Аналогом слова *блудство* в этом случае выступает устаревшее слово *блудни* — «Распутные похождения; плутни, шалости» (Там же).

Слово *блуд*, означавшее как «уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле, так и незаконное, безбрачное сожитие, любодеяние», было широкоупотребительно до 1730 года, когда царь запретил его специальным указом. Однако в народе слова *блуд*, а особенно *блядь* продолжали употребляться, постепенно утрачивая сексуальный оттенок и оскорбительность, превращаясь в междометие, которое использовали «для эмоционального усиления сказанного» [2, 85]. Чаще всего оно встречается в речи людей с бедным лексическим запасом: чувства много, а слов не хватает. Например, для одного из айтматовских героев «привычка... приговаривать по каждому поводу «бля» ... была что вдох, что выдох».

То, что междометной становится апокопированная форма *бля*, позволяет предположить значимость фонетического оформления этого слова, а именно звукосочетания [бл], которое сохраняется и в эвфемизме *блин*, широко используемом в современной разговорной речи — в том числе и людей интеллигентных. Это жаргонное междометие является энантиосемантом, поскольку, с одной стороны, употребляется для выражения «восхищения, одобрения» [7, 65], с другой — «досады, раздражения, удивления» (Там же), как и еще один эвфемистический жаргонизм — *бляха-муха!* («выражение досады, раздражения, негодования») (Там же).

Еще одной особенностью слова *блядь* в современной нелитературной речи можно считать возможность его употребления для обозначения лица мужского пола, но при этом сексуальная характеристика нивелируется. Так, например, в уголовном жаргоне презрительно называют осведомителя [7, 66]. Именно в этом значении оно вошло в устойчивое выражение *блядь буду!*, используемое как «клятвенное подтверждение верности чего-л» (Там же) (ср. переделку этой клятвы в молодежном жаргоне: *блинчиком буду!* (Там же)).

Совершенно очевидно, что анализируемая группа слов не исчерпывается теми, которые приведены в настоящей статье. На наш взгляд, инвективы, являясь фактом речи и языка, требуют их изучения с точки зрения места в языковой системе, семантического объема, деривационного потенциала и т. д., что составляет перспективу настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1965.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Слб.: Норинт, 1998.

¹ В уголовном жаргоне так называют человека, осужденного за изнасилование [7, 66].

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. — М.: Русский язык, 1981–1982.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. — М., 1988.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — 2-е изд, доп. — М.: Рус. яз., 2000.
6. Малинин Н. Твою мать?! // Столица, 1991, № 28. — С.46–50.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — Спб.: Норинт, 2001.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. — М.: Прогресс, 1987.
9. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов /Е. Я. Шейнина. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торсинг», 2001.

Т.В. Слива

МЕСТО АССОЦИАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Признание возможности исследования лексики как системы предполагает некую методологию, в соответствии с которой таковое исследование будет осуществляться. Любой носитель языка, даже не имеющий специального филологического образования, легко систематизирует предложенный ему набор слов, если среди них есть те, которые специалистами квалифицируются как синонимы, антонимы, омонимы и т. д. Тем самым он (носитель языка) вычленит отдельные элементы, в своей совокупности и изоморфности составляющие некую структуру, и эту структуру можно рассматривать как систему при условии наличия определенных закономерностей ее строения. Такой закономерностью является связь между словами на семном уровне.

К настоящему времени различные типы семантических группировок слов, в той или иной степени близких в смысловом отношении, описаны как в теоретических работах (З.Е. Александрова, Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В.И. Кодухов, А.М. Кузнецов, Л.В. Малаховский, Е.Н. Миллер, Л.А. Новиков, А.Н. Тихонов, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.), так и в лексикографических изданиях (тезаурусы, идеографические словари, словари синонимов, антонимов, омонимов и другие).

Так, М.В. Никитин основой лексической системы видит отношения часть — целое: «Очевидно, что отношения часть — целое пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей — целых, элементов — систем (структур). Эти отношения столь же универсальны и глобальны, как многообразные многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих ей признаков и закономерностей» [9, 442].

Такое видение основного принципа системности лексики не противоречит, а является смежным традиционному пониманию того, что в основе лексической системы лежит парадигматика. В любую парадигму лексемы входят на основе общих семантических признаков, противопоставляясь при этом друг другу с помощью дифференциальных элементов значения, то есть распределение слов по лексико-семантическим парадигмам базируется на интегрально-дифференциальных отношениях. При этом межсловные парадигмы представляют собой объединения слов на основе ассоциаций сходства, они обнаруживают системность лексики «в разных измерениях», иллюстрируя многообразие тех ассоциаций, которые группируют и поляризуют лексику, становясь основой парадигмы.

Особенностью исследования лексических парадигм является неоднозначность толкования выделяемых группировок, смешение понятий «семанти-